

ИГОРЬ
КОБЫЛИН

Элитарный островок демократии, или Гувернаментальность на школьном уровне

Заметки о книге «Школа Векслера» (2025)

В 2025 году вышла книга «Школа Векслера»¹ — объемистый том воспоминаний выпускников и учителей знаменитой в советском Горьком и постсоветском Нижнем Новгороде физико-математической школы № 40 (ныне лицей), организатором и первым директором которой был Вениамин Векслер (1922–1980). Составительница сборника Ася Векслер (жена Марка, сына Вениамина Векслера, с. 9), формулируя задачи издания, заметила, что опыт 40-й школы оказался несправедливо обойденным в недавних научных публикациях, посвященных истории советского специализированно математического школьного образования. Это вдвойне несправедливо, поскольку 40-я в качестве физматшколы открылась 1 сентября

1 Школа Векслера. Страницы истории уникальной горьковской физматшколы № 40 / Сост. А. Векслер. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2025. Все цитаты даются по этому изданию — в скобках указан номер страницы.

КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ

1961 года — то есть «раньше, чем новосибирская физико-математическая школа-интернат, одновременно с ленинградской физматшколой № 239, примерно в одно время с физико-математической специализацией московской школы № 2» (с. 9). Как выяснилось, о горьковском начинании практически не сохранилось материалов (во всяком случае в московских архивах, с которыми в основном работали современные исследователи), и собранные мемуары заполняют эту эмпирическую лакуну, делая общесоветскую историю подобных школ куда более объемной. Во всяком случае данная работа может рассматриваться как основа для дальнейших исторических изысканий, включая поиск теперь уже и в нижегородских архивах.

Однако, помимо безусловного историографического значения, «Школа Векслера» обладает ценностью конденсированной социальной симптоматики, позволяющей многое понять в позднесоветском и постсоветском воображаемом вполне определенной социальной группы — научно-технической интеллигенции, жившей в провинциальном Горьком, городе с передовой наукой и оборонной промышленностью, но именно потому «закрытом», а значит, изолированном в социокультурном плане. Воспоминания — в диапазоне от записок первых выпускников 1964 года до выпускников 1981-го — написаны уже немолодыми людьми, живущими в разных городах и странах (России, США, Израиле) и оценивающими общее прошлое сквозь призму позднесоветской, перестроечной и уже довольно длительной постсоветской истории. Конкретные судьбы сложились по-разному, но тем важнее те непроизвольно повторяющиеся в воспоминаниях паттерны, которые свидетельствуют о персонально неконтролируемом и в принципе нередуцируемом к индивидуальной психике (или личной памяти) поколенческом и социальном слое сознания. В этом смысле «Школа Векслера» дает богатейший материал, комплексно изучить который исследователям социального воображаемого позднесоветского «жизненного мира» еще только предстоит. Предлагаемый далее текст строго соответствует заявленному в подзаголовке нестрогому жанру «заметок» — это действительно не более чем заметки на полях книги, сгруппированные вокруг двух мотивов, диагностически важных для советской культуры 1960–1980-х.

Первый мотив — это проблема элитарности. Вопрос о соотношении официально провозглашаемого коллективного равенства и реально расширяющего свои запросы частного/элитарного в постсталинский период стоял, как никогда, остро. Это не значит, что в эпоху сталинизма царило «тоталитарное» единообразие, а ценности безусловного коллективизма превалировали над партикулярными интересами — групповыми

ИГОРЬ КОБЫЛИН
ЭЛИТАРНЫЙ ОСТРОВ
ДЕМОКРАТИИ, ИЛИ
ГУВЕРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ
НА ШКОЛЬНОМ УРОВНЕ...

*Игорь Игоревич Кобылин
(р. 1973) — философ,
историк культуры,
доцент Исследова-
тельского центра «Res
Publica» Европейского
университета в Санкт-
Петербурге.*

или индивидуальными. Как раз, напротив, ряд исследований убедительно показывает, что реальная «коллективизация» советского общества приходится на период хрущевской оттепели². Но в 1960–1980-х само это соотношение становится предметом напряженной рефлексии, в том числе и доктринальной. Курс на «гармоническое развитие творческой личности», «рост потребления» и «народное благосостояние», взятый в конце 1950-х³, явно свидетельствует о вполне сознательном общественном сдвиге, и этот курс в итоге превратит позднесоветский социум в «криптобуржуазный» (Алексей Конаков). А поскольку всякая буржуазия — пусть даже с приставкой крипто- — всегда будет пытаться миметически воспроизвести недостижимый для нее аристократический образец, неудивительно, что последние десятилетия Советского Союза были отмечены «массовой аристократизацией»:

«Можно подумать, что элитизм затрагивал лишь высшие слои советского общества, но в 1970-е он проявился практически на всех уровнях. [...] В своих изысканиях я нередко находил архивные фото, на которых дети в заводском ДК или Доме пионеров танцуют менуэт или вальс в костюмах XVIII и XIX веков. [...] Фильм “Звезда пленительного счастья” (1975, режиссер Владимир Мотыль) дал правильные с позиции идеологии и комфортные с точки зрения запроса на историзм образы революционеров-аристократов. Советские люди начали искать в ближайшем окружении знакомых, чьи предки принадлежали к дворянскому сословию, и все без исключения занимались кухонным и застольным философствованием»⁴.

Вопрос о соотношении официально провозглашаемого коллективного равенства и реально расширяющего свои запросы частного/элитарного в постсталинский период стоял, как никогда, остро.

Искусствовед Кирилл Светляков, предложивший парадоксальное понятие «массовая аристократизация», видит одну из главных причин ее распространения так:

«Я полагаю, что главную причину массовой аристократизации следует искать в системе советского образования, причем не только высшего, но и среднего, которое строилось на элитарных

² См., например: ХАРХОРДИН О. *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016.

³ См.: БИКОВ А. *За порогом новой эры правления // Дин М. Правительственность: власть и правление в современных обществах*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 7–30.

⁴ Светляков К. *Советская культура. От большого стиля до первых рейвов*. М.: МИФ, 2025. С. 225–226.

принципах и предполагало формирование универсальных знаний. Даже выпускники средней школы имели хороший кругозор и навык написания сочинений»⁵.

Любопытно, что и способ художественной репрезентации учащейся молодежи в 1970-е отсылал к культурфетишистским образцам высокого искусства:

«Во фресковом цикле Олега Филатчева “Студенты” (1975–1976), выполненном для московского Института нефти и газа имени И.М. Губкина, персонажи выглядят как небесные создания, отрешенные от всего земного, и даже корпуса многоэтажек за их спинами напоминают лестницы в небо. Снова изящные боттичеллиевские фигуры здесь сочетаются с пространственно-иллюзорными эффектами других итальянских мастеров раннего Ренессанса»⁶.

В случае со спецшколами, готовившими будущую научно-техническую элиту страны и стремившимися восполнить физико-математический перекос в образовании особым вниманием к литературе, музыке и спорту, проблема аристократизации/элитизации ощущалась как более чем болезненная. Если вернуться к «Школе Векслера», то вот показательное воспоминание Александра Когана, выпускника 1966 года:

«Вениамина Яковлевича [Векслера] я впервые увидел 1 сентября 1963 года на школьной линейке. Почему-то мне больше всего запомнилось, как он несколько раз повторил, что мы все ученики средней общеобразовательной с производственным обучением школы № 40, а не какой-то там специальной, физмат, в общем, никакой, Боже упаси, элитарности!» (с. 116).

Однако, сколько элитарность не заклинай, ощущение своей избранности ученики пронесли через всю жизнь:

«Невозможно описать тот особый мир, который создали для нас Векслер и его команда. Именно “Команда Единомышленников” — они оставили насиженные места в разных школах и по призыву Векслера (добавлю — и по его отбору) перешли в новую школу, видимо, как и мы, считая себя избранными. [...] В городе нас считали “элитой”, и уровень полученного нами образования давал нам право в определенной степени ощущать справедливость этого» (Ян Лианский, с. 84–85).

«В.Я. Векслер в те годы понял, что надо создавать возможности для элитного, в хорошем смысле слова, образования. Он приглашал не только лучших школьников, но и лучших учителей, которые успешно работали в других школах» (Марк Лухтон, с. 125).

ИГОРЬ КОБЫЛИН
ЭЛИТАРНЫЙ ОСТРОВК
ДЕМОКРАТИИ, ИЛИ
ГУВЕРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ
НА ШКОЛЬНОМ УРОВНЕ...

5 Там же. С. 226.

6 Там же. С. 228.

«В школьные годы я, конечно, не понимал, чего стоило нашему директору в те годы создать и сохранять такую “элитную” профильную школу» (Владимир Гавриленко, с. 177).

«Одно из самых сильных впечатлений в моей жизни. Там были инопланетяне. Кто-то читал стихи часами, кто-то говорил про политику. Мне казалось, что среди множества таких умных я потеряюсь и утону. [...] Я понял, что белых ворон много, и я — один из них. Это было счастье! И это счастье подарил нам всем Вениамин Яковлевич Векслер. Теперь я понимаю, как это было нелегко: реализовать запрос элиты в стране, где элитарность не позволялась, но прорастала сама собой. Интересно, но партийные функционеры, вроде первого секретаря Советского района города Горького Шиванова, отдавали своих детей именно в эту школу» (Владимир Кравцов, с. 197).

«Мой папа-физик очень хотел, чтобы я учился в этой расширенной 40-й школе, ведь, что бы там ни говорили выпускники 1-й, 52-й и других элитных школ, 40-я была лучшей в городе» (Лев Цимринг, с. 239).

Не менее показательны и заголовки некоторых мемуарных фрагментов: «40-я: луч света в темном царстве» (Израэль Ковнер), «Здесь к школьникам обращались на “Вы”» (Борис Булюбаш), «Про зазнавшийся класс» (Владимир Гавриленко), «Школа “Белых ворон”, а еще — синих, зеленых, разных... Только серых было мало» (Владимир Кравцов). Статус этой элитарности остается в «Школе Векслера» непроясненным. Кто-то подчеркивает строго меритократическую систему отбора («мы попали в физматшколу без блата, без денег, без статусных родителей» (Светлана Шимарская, с. 257)), кто-то делает акцент на важности родственных и дружеских связей внутри достаточно узкого круга уже существующей научной элиты:

«Многие мальчики были знакомы друг с другом. Среди них были дети крупных ученых и высокообразованных людей. Игорь Зверев — сын известного физика Виталия Анатольевича Зверева. Илюша Шерешевский — сын начальника отдела в НИИТОПе, где мне посчастливилось поработать по окончании университета. Витя Гапонов — сын крупного ученого-физика и внук Гапоновой-Греховой, которая была одним из инициаторов создания 40-й школы. Саша Миллер — сын ученых, преподавателей университета. Были и другие звезды. Позже я поняла, что Нелли Матвеевна подбирала ребят, заранее зная их уровень. [...] Школа напоминала семью: все знали друг друга если не близко, то на уровне знакомых» (Раиса Штейнман, с. 138).

Впрочем, конкретно-историческое исследование путей попадания в «элиту» не входит в нашу задачу — тем более, что после работ Пьера Бурдьё и его последователей противопоставлять чистую меритократию и чистый nepотизм как минимум

наивно. Значимо то, что «элитарность» фиксируется (причем неважно — с гордостью или тревогой) на уровне самоописания⁷.

Второй мотив, напрямую связанный с первым, это мотив управленческий, или гвернаментальный. Новая официальная ориентация на «экономическое стимулирование» и потребление, отказ от «суверенной» ставки на постоянную политическую мобилизацию и идеологическую индоктринацию (часто меняющую акценты в зависимости от извивов реальной политики — и потому смертельно опасную и для индоктринируемых, и для индоктринирующих) потребовали и новых стратегий управления, во многом близких либеральной гвернаментальности, описанной Мишелем Фуко. И вновь — сферы педагогики и школьного образования становятся здесь ключевыми:

«Технологии правительности запускают более сложную механику, которая рассчитана на длительные циклы и генерирует не только текущие поведенческие акты, но и новые субъективности, побуждающие к самостоятельному поведению и среди прочего ограничивающие безраздельность любого господства. Примеры таких технологий: воспитание “творческой личности” и даже забота о критическом мышлении, не переступающем границ политической лояльности, которые характерны для советской педагогики 1960–1980-х и лицензированы государственным аппаратом»⁸.

Рассмотренная в гвернаментальном контексте история 40-й школы дает нам богатый материал для исследований советской правительности. Само появление такой школы и педагогические техники, в ней принятые, — результат стратегически важного управленческого эксперимента, и сегодня оцениваемого в качестве образцового. Директор Департамента образовательных программ Института образования Высшей школы экономики Анна Кобцева во вступительном слове к книге пишет:

«Погружаясь в книгу про 40-ю школу, понимаешь, что “велосипед” можно больше не изобретать, можно изучить подобные *управленческие* и методические практики и сделать уже свою надвстройку относительно современных задач» (с. 17; *курсив мой.* — И.К.).

Эта цитата лишний раз доказывает, что преемственность между позднесоветской и постсоветской гвернаментальностью намного важнее, чем декларировавшийся когда-то разрыв.

7 На уровень реального самосознания — гегелевского в-себе и для-себя — «элитарность» вышла при переезде школы в новое здание на улицу Фигнер (ныне — Варвѳрская), где собранная со всех районов города в спецклассы физмат-элиты была вынуждена сосуществовать с «ошарской шпаной», учившейся там по месту жительства. «Классовая борьба» (Алексей Северухин) с «кодлой ошарских отморожков» (Валерий Абрамов) явно способствовали осознанию социально-групповой идентичности (по всей видимости, с обеих сторон).

8 Бикбов А. *За порогом новой эры правления*. С. 18.

ИГОРЬ КОБЫЛИН
ЭЛИТАРНЫЙ ОСТРОВ
ДЕМОКРАТИИ, ИЛИ
ГВЕРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ
НА ШКОЛЬНОМ УРОВНЕ...

Что касается конкретных педагогических установок, то они в точном соответствии с вышеприведенными наблюдениями Кирилла Светлякова и Александра Бикбова были направлены на воспитание «творческой личности с самостоятельным критическим мышлением», чья углубленная физико-математическая специализация сочеталась бы с «ренессансной» универсальностью и полнотой развития — духовного и телесного. Практически все мемуаристы пишут об особой, свободной и творческой, атмосфере на уроках, где здоровая соревновательность гармонично сопрягалась со взаимопомощью и солидарностью:

«Вениамин Яковлевич сумел создать в школе такую атмосферу, что оттуда не хотелось уходить: там постоянно кипела жизнь, проводились кружки и факультативы, можно было пообщаться» (Элла Безман, с. 37).

«В школе царил атмосфера дружбы, взаимного уважения. [...] Никогда не забуду школьные вечера с самодеятельностью, спектаклями; тематические вечера по физике, диспуты по литературе, живописи и т. п., а еще туристический лагерь на Узоле, походы... Был даже школьный КВН, который показывали по Горьковскому ТВ» (Александр Богушев, с. 40–41).

«За всем этим стоял В.Я. Векслер, который не командовал: сделай так-то и так-то, а подводил человека к мысли, как следует достойно поступить в той или иной ситуации. При этом казалось, что решение принято самостоятельно»⁹ (Виктор Орлов, с. 54).

«Они [учителя, по приглашению Векслера перешедшие в 40-ю] дали нам высочайший уровень образования, причем не только узкоспециального, но и широкого, общегуманитарного» (Ян Лианский, с. 84).

«Здесь же и в классах, и в коридорах присутствовала атмосфера братства, доверия и свободы. Мы были равными. Самым успешным становился тот, кто быстрее всех или самым оригинальным способом умудрялся решить задачку по математике или физике. Тот, кто нашел самое короткое или самое красивое решение. Никаких заучиваний. Нельзя было решить задачку “не тем” способом. Ценились оригинальность, красота и скорость решения. Это помогало раскрепоститься. Дух соревнования подстегивал не просто решить задачу правильно, а решить ее таким способом, который придумал ты сам. Кроме этого, ценились юмор и самобытность. С первого дня учебы были забыты оценки, по которым осуществлялся отбор в школу. Стало важным только то, как ты справляешься с заданиями, которые дают на уроке или на дом» (Елена Маслова, с. 94).

«Главное, что Вениамин Яковлевич сделал, — это на излете хрущевской оттепели создал удивительную свободную атмосферу в школе. [...] Мы чувствовали себя свободными! Играли

9 Ср.: «Самомотивации и самоконтролю в таких технологиях власти на расстоянии принадлежит ключевая роль. [...] В конечном счете, технологии управления через свободу основываются на альянсах и подстройках, которые возникают в результате массового просвещения или информированного согласия, когда управляемые сами склонны к выбору того, что соответствует государственному интересу» (Там же. С. 19).

в КВН — никакой цензуры. Обсуждали “толстые” журналы — тоже никакого давления. Обсуждали и всякую политику, чего теперь и представить невозможно» (Владимир Антонец, с. 106, 108–109).

«Атмосфера школы — это интеллигентное, уважительное отношение к ученикам, что позволяло чувствовать себя вполне самостоятельной личностью. Никто и никого не пытался тянуть за уши, заставлять или уговаривать учиться — каждый сам должен был нести всю ответственность за свои результаты. Не просто школа, но школа взросления» (Лариса Кутузова, с. 248).

«Высокие стандарты преподавания, демократизм учителей, чувство свободы и собственного достоинства у учеников, высокая концентрация ума и любознательности — та благодатная почва, в которой вырастали сильные, умные, свободные, выдающиеся личности. [...] Среди власть предержащих хватало желающих укатать в асфальт этот островок выскочек и загнать школу в прокрустовы рамки» (Алексей Северухин, с. 284).

Более того, в школе проводились и довольно радикальные эксперименты по самоуправлению учеников, вернее — спонсируемая инициатива снизу по ходу дела оформлялась как организованный эксперимент:

«Мы решили отказаться от классного руководителя. В любой школе нас быстро бы поставили на место. В 40-й организовали обще-школьное комсомольское собрание, где представители нашего класса объявили о желании перейти на самоуправление комсомольской организацией класса. Собрание приняло это предложение как эксперимент по возможности комсомольского самоуправления. Решение неоднозначное и достаточно рискованное, потому что нашей школой сильно интересовалось РОНО. После этого мы попали под пристальное наблюдение директора. А мы были довольны принятым решением, нас грело осознание, что живем без классного руководителя! В 2019 году наш класс встречался с Татьяной Максимовой, от которой мы отказались в свое время, и я ее спросила: сильно ли она на нас тогда обиделась? Она ответила, что сначала да, но потом как-то приняла это решение. Она очень трогательно к нам относилась всю жизнь, мы часто приходили в школу, она долго там работала. Еще нам удалось уволить из школы учителя физики, который не подходил нашей школе. Написали статью в “Учительскую газету” (кажется), потом была комиссия, и его уволили» (Марина Шмакова, с. 69).

Особую роль в образовательном процессе играли уроки литературы и разного рода внеклассные занятия, с нею связанные. Ученики ездили не только в деревню Зименки, где располагался полигон Научно-исследовательского радиофизического института и где они могли поработать на так называемых БЭСМ — Больших электронно-счетных машинах, но и в Болдино. Непременные барды, диспуты по литературным произведениям и их экранизациям (иногда с участием съемочной

ИГОРЬ КОБЫЛИН
ЭЛИТАРНЫЙ ОСТРОВК
ДЕМОКРАТИИ, ИЛИ
ГУВЕРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ
НА ШКОЛЬНОМ УРОВНЕ...

группы, как в случае «Анны Каренины» режиссера Александра Зархи) и новаторские темы сочинений — вроде предложенной молодым тогда учителем литературы Юрием Немцовым «Обличение произвола и насилия в произведении “В траве сидел кузнечик”». Такая «сборка» математики и литературы — двух «противоположностей» (алгебра и гармония, точное/сухое и яркое/образное, формула и метафора), чей синтез должен был, по всей видимости, символизировать чаемую полноту образования, его ренессансную всеохватность, — была характерна не только для 40-й школы. Илья Кукулин и Мария Майофис приводят пример московской школы № 2:

«[Там преподавал] писатель, литературовед и правозащитник Анатолий Якобсон. Приглашение Якобсона во 2-ю школу было не случайным. Один из учителей математической школы в качестве общего места приводит мысль о том, что для хорошей матшколы необходим яркий учитель литературы»¹⁰.

Выпускники физматшкол вместе с тем были не только продуктом гувернаментальных техник субъективации, но и должны были стать (и стали) агентами и проводниками нового типа правительности — кибернетической. Помимо физики и математики, в школе преподавали программирование и готовили «по трем родственным специальностям: лаборантов-программистов, лаборантов по техническому обслуживанию ЭВМ, лаборантов контрольно-измерительных приборов по электротехнике» (с. 24). Кибернетика нисколько не противоречила «либеральной» заботе о личности и благосостоянии (а если и противоречила, то только на поверхности официального дискурса — в «общественно значимых» спорах «физиков и лириков»; причем противоречие это можно рассматривать как диалектически снятое, поскольку сами дискуссии способствовали развитию критического мышления — в строго очерченных рамках, разумеется). Более того, она должна была обеспечивать «автоматическую» защиту от эксцессов суверенно-произвольного правления, всяческого волюнтаризма и «культа».

Эта кибернетическо-гувернаментальная мутация позднесоветского режима хорошо заметна в «Школе Векслера». В конце каждого мемуарного фрагмента приводятся актуальные сведения об авторе, из которых мы узнаем, что среди выпускников школы не только ученые и инженеры, но и управленцы в широком смысле (часто без «но», а с «и» — ученые и управленцы, инженеры и управленцы): начальник сектора трансфера технологий в управлении научно-исследовательской и инновацион-

10 Майофис М., Кукулин И. *Математические школы в СССР: генезис институций и типология утопий // Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)* / Под ред. И. Кукулина, М. Майофис, П. Сафронова. М.: Новое литературное обозрение. С. 242.

ной деятельности ВГУВТа¹¹ (Татьяна Рондик (Молочная), с. 57); ведущий инженер в отделе АСУП на заводе ГЗАС¹² (Валентина Шадрина, с. 68); администратор банковской автоматизированной системы одного из коммерческих банков (Ирина Малахова (Козлова), с. 155); бывший глава департамента по связям с общественностью и СМИ администрации Нижегородской области и позже — старший преподаватель кафедры философии и политологии Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (Виктор Лысов, с. 167); разработчик устройств, систем и средств автоматизации научных исследований (с. 170); программист и менеджер «в корпорациях и компаниях малого бизнеса» (Лилия Левина, с. 190); заведующий кафедрой венчурного менеджмента (Эдуард Фияксель, с. 191) и так далее. Эти практически наугад выбранные карьерные позиции — лишь малая часть того разнообразия управленческих должностей, занимаемых выпускниками школы (в советском и постсоветском прошлом и настоящем), которое демонстрирует нам сборник. Навык в решении математических задач, как выяснилось, помогает и успешному решению задач управленческих — умение алгоритмизировать и оптимизировать оказывается важнее идеологической индоктринации. Причем умение это проявляется уже в самом процессе обучения. Так, выпускник 1976 года, будущий известный в городе культуртрегер, вспоминает:

«Я человек ленивый, и мне не очень хотелось сдавать в вуз четыре экзамена, поэтому я придумал алгоритм. Я самым тщательным образом готовился к уроку по выбранному предмету, потом поднимал руку, с блеском отвечал, получал пятерку и на некоторое время забывал об отработанном предмете, готовясь к другому. Учитель тоже на некоторое время забывал обо мне, а через некоторое время я снова поднимал руку. Получилось все так, как и говорил Векслер: к окончанию десятого класса у меня во всех четвертях были одни пятерки» (с. 251).

Прочитанная в оптиках элитарности и гегемонности «Школа Векслера» демонстрирует два коллапсирующих друг в друга парадокса. Первый заключается в том, что «элитарное образование» было на деле воплощением советского — в широком смысле — школьного идеала. Универсальность и фундаментальность знаний, раскрытие творческого потенциала личности, целостность живого образовательного процесса, снятие противопоставления индивидуального и коллективного — все это, несмотря на все ухабы и кочки реальной советской

ИГОРЬ КОБЫЛИН
ЭЛИТАРНЫЙ ОСТРОВК
ДЕМОКРАТИИ, ИЛИ
ГЕГЕМОНИЙНОСТЬ
НА ШКОЛЬНОМ УРОВНЕ...

11 ВГУВТ — Волжский государственный университет водного транспорта.

12 АСУП — автоматизированная система управления предприятием; ГЗАС — Горьковский завод аппаратуры связи имени А.С. Попова.

модернизации (образовательной в том числе), входило в воспитательный канон марксизма. Другое дело, что возвращение к гуманистическому, «подлинному», Марксу тоже произошло в 1960-е, так что педагогические эксперименты Векслера параллельны марксистским штудиям Генриха Батищева и Эвальда Ильенкова. Батищев пишет об этом так:

«Коммунистическое воспитание не может быть — без извращения его характера — сведено к какому-нибудь отдельному моменту или аспекту живого творческого процесса формирования целостной личности, вырванному из этого процесса и извне противопоставленному ему в качестве регламентированной системы мер воздействия на воспитуемого. Ибо коммунистическое воспитание — это поистине всеобъемлющий процесс, процесс активный, деятельный по самой своей природе, по своей сущности, по своему механизму. Напротив, буржуазное воспитание всегда носит ограниченный характер, ограниченный во многих отношениях»¹³.

Ему практически вторит Ильенков:

«Именно всестороннее, гармоническое (а не уродливо-однобокое) развитие каждого человека и является главным условием рождения личности, умеющей самостоятельно определять пути своей жизни, свое место в ней, свое дело, интересное и важное для всех, в том числе и для него самого»¹⁴.

Но универсальности, всесторонности, гармонического развития и целостности на всех не хватило. Универсальное реализовывалось в элитарно-партикулярном пространстве специализированной школы, а в обычных советских учебных заведениях царили вполне буржуазные, по Батищеву, порядки: «регламентированная система воздействия на воспитуемого», включавшая жесткую иерархию, дистанцию между учителями и учениками; страх перед школьным начальством, постоянные дисциплинарные требования и унижительные наказания за их несоблюдение¹⁵.

Этот парадокс удваивается другим парадоксом — уже с гувернаментально-кибернетической стороны. Реализовавшийся в качестве «элитарного островка» ренессансный идеал советского образования способствовал, в конечном счете,

13 Батищев Г. *Воспитание и образование (по К. Марксу и Ф. Энгельсу)* // Он же. *Философско-педагогические произведения. Собрание сочинений: В 2 т.* Бийск, 2015. Т. 1 («Работы 1960–1970-х годов»). С. 107.

14 Ильенков Э. *Что же такое личность?* // Он же. *Философия и культура*. М.: Политиздат, 1991. С. 414.

15 «В моей предыдущей школе учительница по химии, она же директор школы, девочку-восьмиклассницу при всем классе окунула головой в раковину с водой, чтобы смыть ее кудри, — это запомнилось на всю жизнь. Учитель, унижая человека, чувствовала себя совершенно правой, победителем. Класс с ужасом следил за этой экзекуцией, но никто даже не посмел вступить за бедную Марину. Атмосфера подавленности, униженности, страха, неуважения к себе из-за этого постыдного молчания присутствовала в классе. Столько лет прошло, а я помню этот случай. В сороковой мы ходили в школу в том, в чем хотели и как хотели (в рам-

разрушению той реальной советской системы, которая была *условием самой его возможности*. Отсюда, кстати, и скепсис в отношении масштабирования опыта таких школ в современных условиях, высказанный автором одного из вступлений к книге Сергеем Косарецким — проректором по научной деятельности Московского государственного психолого-педагогического университета, то есть человеком, хорошо разбирающимся в проблеме:

«Однако здесь мой энтузиазм, не успев родиться, начинает сталкиваться с сомнениями, порожденными, как ни парадоксально, впечатлениями от той же книги. Составитель цитирует в ней Е. Ямбурга: «Одной из естественных причин (но не единственной) возникновения педагогических утопий было временное совпадение грандиозных замыслов государства и искренних устремлений авторов новых педагогических проектов, готовых эти замыслы реализовать... все эти изобретенные приемы и методы окрашены личностью их создателей». [...] Найдутся ли такие фигуры¹⁶ среди тех, кому сегодня доверяют дело «передовых школ»? Очень хочется надеяться» (с. 15)¹⁷.

ИГОРЬ КОБЫЛИН
ЭЛИТАРНЫЙ ОСТРОВ
ДЕМОКРАТИИ, ИЛИ
ГУВЕРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ
НА ШКОЛЬНОМ УРОВНЕ...

Навык в решении математических задач, как выяснилось, помогает и успешному решению задач управленческих — умение алгоритмизировать и оптимизировать оказывается важнее идеологической индоктринации.

Если вернуться к гувернаментальным зигзагам государственного администрирования, то действительно, как отмечает историк советской науки Вячеслав (Слава) Герович в коротком вступительном слове, конец 1950-х — начало 1960-х отмечены кратким совпадением интересов («альянсом») партийно-государственного руководства, нуждавшегося в квалифицированных научно-технических кадрах прежде всего для развития

как общих, достаточно свободных требований), многие носили умопомрачительно короткие юбки, никто нам никогда не делал замечаний. Бывали дни, когда девочкам разрешалось приходить в брюках, это был особенный праздник свободы!» (Светлана Шимарская, с. 258).

- 16** Тут стоит вспомнить, что ключевая фигура рассматриваемой здесь истории — Вениамин Векслер — был вполне советским человеком. Вот как вспоминает о нем его младший родственник Михаил Герштейн: «Запомнились разговоры по поводу советской власти. Я в то время был ее критиком, он — защитником. Говорят, что пессимист — это просвещенный оптимист, но дядя Веня, будучи просвещенным оптимистом, пессимистом не становился. Он не отрицал пороков, но считал, что достижения перевешивают, и верил в лучшее. И это, несмотря на то, что ему закрыли путь в науку, а его родная тетя Мира Моисеевна была репрессирована и отсидела в лагерях» (с. 237).
- 17** Читая цитировавшееся выше вступительное слово Анны Кобцевой, куда более оптимистичное в отношении настоящего и будущего, понимаешь, что сама попытка описать практики школы Векслера в актуальных сегодня терминах «карьерных треков», «инновационных способов организации образовательного процесса» и «проектных групп» является переводом в том смысле, который придавал этому понятию Бруно Латур, то есть замещением-изменением.

ВПК, и научной интеллигенции, стремившейся освободиться от опеки догматической марксистской идеологии.

В книге «От новояза к киберязы: история советской кибернетики» (2002) Герович пишет об этом более пространно. Сравнивая американский и советский подходы к кибернетике, он подчеркивает их принципиальную разницу: в Америке винеровская кибернетика не смогла удержать своего эклектичного единства и довольно быстро распалась на отдельные составляющие (теория информации, теория игр, исследование операций и так далее), в то время как в СССР, напротив, кибернетика — именно как потенциально универсальный проект — набирала силу, собирая под свой «зонтик» все больше наук и дисциплин. Более того, возникла идея тотальной кибернетизации всего научного знания вообще. Такой кибернетический экспансионизм вполне объясним: математика — это точная наука, дающая объективное, универсальное, идеологически нейтральное знание. Чем глубже будут математизированы/кибернетизированы все науки (включая социально-гуманитарные¹⁸), тем надежнее они будут защищены от идеологического произвола и манипуляций со стороны партийных чиновников.

«Отвергнув доминирующую роль философии в академическом дискурсе, в качестве замены советские ученые выдвинули кибернетику. Они отказались от догматической советской версии диалектического материализма, но сохранили допущение о необходимости универсальной философии науки, общенаучной методологии или мета-науки. Советская кибернетика была специально создана для выполнения этой функции»¹⁹.

Правда, как иронически пишет Герович, утвердив универсальность киберязы взамен универсальности диалектических законов развития всего на свете, ученые лишили себя возможности выйти за его (киберязы) пределы и трезво отдать себе отчет в его ограничениях: «Провозглашенный языком истины и объективности, киберязы, в конечном счете, стал лишь тенью того, что было формальным объектом его насмешек — новояза»²⁰.

Однако и новояз не стоял на месте. Александр Бикбов убедительно показал, что в 1960–1970-е советский официальный дискурс пережил глубокую трансформацию — научную и управленческую одновременно. Происходит то, что Бикбов назвал «сциентизацией политического правления», то есть при-

18 См., например: Панченко А. *Кибернетические боги: концепция «основного мифа», теория информации и русская филология* // Новое литературное обозрение. 2025. № 6(196). С. 169–189.

19 GEROVITCH S. *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics*. Cambridge: MIT Press, 2002. P. 200.

20 Ibid. P. 295.

знание необходимости научной экспертизы во всей политико-управленческой сфере. Наука институционально встраивается в систему государственного управления и планирования, довольно радикально меняя ее структуры. Более того, сама наука понимается преимущественно «управленчески»:

ИГОРЬ КОБЫЛИН
ЭЛИТАРНЫЙ ОСТРОВОК
ДЕМОКРАТИИ, ИЛИ
ГУВЕРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ
НА ШКОЛЬНОМ УРОВНЕ...

«Доктринальное определение науки в роли цивилизационного фактора, выкованное в течение ряда последующих лет, задействует в новых отношениях не только природу, преобразуемую по мере развития естественных наук. Оно настаивает на возможности “управления всеми общественными процессами”, в стороне от которого не могут оставаться социальные дисциплины. Характеризуя науку в роли цивилизационного начала, уместно вспомнить [...] общую формулу, принадлежащую одному из идеологических виртуозов того периода: “[Наука] не только изменила характер производственных процессов, но и оказывает все возрастающее влияние на совершенствование общественных отношений людей”»²¹.

Вообще отмеченная Бикбовым позднесоветская сциентизация управления — это не более чем частный случай, или, если воспользоваться формулировкой Мишеля Фуко, «превратность», общей математизации гувернаментальных практик. Точнее — современное «устройство безопасности», которое, согласно Фуко, сменяет диспозитивы «законности» и «дисциплины» примерно на рубеже XVIII–XIX веков, с самого начала оказывается привязанным к достижениям математической статистики. Если бинарный «код законности» определял нарушителей нормы права и назначал им соответствующее наказание, а «дисциплина», интересуясь всеми аспектами жизни обвиняемого, пыталась его исправить, то «устройство безопасности» искало статистические закономерности и пыталось управлять вероятными рисками. «Как раз [математика] к тому времени выступала своеобразным фактором интеграции процессов в сферы рациональности, приемлемые для социума и вписывающиеся в его структуру»²².

«Школа Векслера» прекрасно — на биографических примерах — демонстрирует позднесоветскую связку математизированной науки и управления в конкретном локальном контексте. Локус здесь весьма показателен, поскольку Горький был не только тем местом, где появилась одна из первых специализированных физматшкол (напомним — раньше, чем

21 Бикбов А. *Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 260. Под «идеологическим виртуозом» Бикбов имеет в виду историка и партийного деятеля, члена ЦК Сергея Трапезникова и цитирует его статью «Ленинизм и современная научно-техническая революция» (1972).

22 Фуко М. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. СПб.: Наука, 2011. С. 91.

в Новосибирске, и примерно в одно время с ленинградской и московской), но и где в 1963 году в Горьковском государственном университете открылся первый в стране факультет вычислительной математики и кибернетики (многие выпускники 40-й закончили именно его, хотя безусловное лидерство остается за радиофаком). Но сама связка/альянс оказались непрочными на общесоюзном уровне. Кибернетика сыграла роль «исчезающего посредника». Эгле Риндзевичюте, изучавшая советскую системно-кибернетическую правительственность, так писала о перформативном измерении «научного управления»:

«Уходящие своими корнями в количественные методы и компьютерные технологии, системно-кибернетические науки представляли собой альтернативу персоналистскому правлению коммунистической партии, действовавшей не только через посредство формализованного бюрократического планирования, но и напрямую, в режиме личных поощрений и наказаний. Согласно Теодору Портеру, производство и использование безличных числовых данных служит важным источником доверия в демократических системах. Портер показывает это на примерах Франции, Великобритании и США. Лорен Грэхем выдвигает аналогичный аргумент в отношении Советского Союза — цифровые данные играли здесь сопоставимую роль, но несколько иным образом. Хотя советская статистика подвергалась печально известным манипуляциям, тем не менее квантификация и технорационализм создавали пространство для реформ. Растущая институциональная мощь научного управления оказало разрушительное воздействие на во многом иррациональную сталинскую систему»²³.

В общем, попытка партаппарата с помощью науки укрепить свой контроль над обществом изменила сами критерии и параметры контроля. Однако на «иррациональном сталинизме» дело, как мы знаем, не остановилось. Рассуждая в этой логике, можно сказать, что прививка гвернаментальности оказалась губительной для организма в целом: удержать развитие новых техник управления в строго заданных политических рамках не удалось.

Здесь стоит вспомнить чрезвычайно символический эпизод, неоднократно описанный в популярных историях советского/российского интернета. Тут действуют выпускники других, уже столичных, спецшкол и привилегированных вузов. Во время августовского путча 1991 года — этого последнего (как тогда казалось, во всяком случае) эксцесса советского авторитаризма — ГКЧП попыталось установить информационную блокаду, взяв под свой контроль советские федеральные СМИ и выслав

23 RINDZEVICIŪTĖ E. *The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World*. Ithaca: Cornell University Press, 2016. P. 14.

из страны иностранных журналистов. Блокада была прорвана именно благодаря интернету: подключенные еще до путча к новостным группам сети Юзнет (Usenet) сотрудники московского кооператива «Демос», обсудив между собой ситуацию и взвесив риски, поступили так:

ИГОРЬ КОБЫЛИН
ЭЛИТАРНЫЙ ОСТРОВК
ДЕМОКРАТИИ, ИЛИ
ГУВЕРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ
НА ШКОЛЬНОМ УРОВНЕ...

«Приняли решение информировать Сеть обо всем, что происходит в Москве. Три дня они отправляли цитаты из теленовостей, собственные впечатления о том, что происходило на улицах Москвы, сообщения информационных агентств и “Эха Москвы”, а также наблюдения пользователей сети “Релком” из разных городов СССР. Американские СМИ реагировали быстро, и сообщения из небольшой комнаты “Демоса” на Овчинниковской набережной попадали в срочные выпуски газет и теленовостей США. [...] За три августовских дня в две группы, посвященные СССР, были отправлены тысячи сообщений. Сообщество Юзнета довольно быстро мобилизовалось. Один пользователь, например, предложил всем подписчикам, живущим на Западе, присылать свои почтовые адреса — для того, чтобы у советской стороны была хоть какая-то связь с миром, если отрубится интернет. Другой постил десятки страниц адресов и телефонов американских сенаторов, чтобы пользователи писали им с требованиями отреагировать на события. Из-за равнодушия юзнетовцев в электронной почте “Демоса” и “Релкома” образовывались заторы: интернет-соединение по-прежнему шло через телефонные линии с Финляндией, и они не справлялись с большой нагрузкой. В какой-то момент Вадим Антонов даже призвал коллег не перегружать канал своими вопросами, не мешать организовывать сопротивление»²⁴.

Попытка партаппарата с помощью науки укрепить свой контроль над обществом изменила сами критерии и параметры контроля. Однако прививка гвернаментальности оказалась губительной для организма в целом: удержать развитие новых техник управления в строго заданных политических рамках не удалось.

Здесь важен не только сам интернет-прорыв, то есть установление прямой и горизонтальной связи с западными пользователями, но и такой же горизонтальный способ принятия решений внутри «Демоса/Релкома».

В этой истории показательно все. Молодые программисты кооператива «Демос» были бывшими сотрудниками советского

²⁴ КОНРАДОВА Н. *Археология русского интернета. Телепатия, телемосты и другие техноутопии холодной войны*. М.: АСТ; CORPUS, 2022. С. 181–182.

Института ядерной энергии имени И.В. Курчатова. Вернее, группа программистов института (так, Алексей Солдатов возглавлял в там вычислительный центр, а Валерий Бардин — коллектив программистов, занимавшихся адаптацией американской операционной системы UNIX; за разработку советской версии UNIX, названной ДЕМОС — «Диалоговая единая мобильная операционная система» — и ставшей основой для локальной сети «Релком», программисты получили в 1988 году премию Совмина СССР) разделилась: часть под руководством Солдатова осталась работать в Курчатовском, а часть организовала одноименный кооператив, чтобы свободно продавать ДЕМОС (кооперация была первой разрешенной в перестроечном СССР формой свободного предпринимательства). При этом обе группы фактически продолжали работать вместе, поскольку пользовались одной сетью.

Не менее показательно, как именно собиралась информация во время путча. Был придуман так называемый «Режим № 1»: всем подписчикам «Релкома» предлагалось посмотреть в окна собственных квартир и сообщить, что они видят на улицах. Важна была именно строгая фиксация фактов, а не их эмоциональная оценка. В результате усилиями пользователей — еще один эффект сетевой горизонтальности — постепенно складывалась объективная картина происходящего.

Лучшей иллюстрации выводов Риндзевичите трудно придумать: благодаря первой сети, возникшей в недрах засекреченной советской «оборонки» (коллектив Курчатовского института разработал, например, первую советскую атомную бомбу (1949), термоядерную (1953), атомный реактор для подводных лодок (1958), для атомных ледоколов (1959) и так далее), молодые предприниматели, обойдя все препоны, чинимые архаичными иерархиями, информировали свободный мир о пароксизме советской системы, уже самим фактом такого информирования свидетельствуя о поражении последней.

Однако самым показательным во всей этой истории оказался ее постскрипtum. Наталья Конрадова отметила существенную асимметрию реакций американского/европейского и российского сегментов сети на постпутчистскую ситуацию. Для многих западных сетевых активистов и простых пользователей деятельность «Релкома» в борьбе с ГКЧП была лишь стартом — при этом успешным! — подлинной сетевой революции: возможности нового медиума, прекрасно показавшего себя в августе 1991 года, должны были, по их мысли, начать работать на дело грядущей мировой прямой демократии участия. Важно, что эта медиареволюция понималась как левый, а некоторыми теоретиками — как собственно марксистский проект. Например Феликс Крейзель — системный инженер, сотрудник MIT и основатель троцкистского ресурса «Искра-Research» — в прямом

соответствии с идеями Троцкого полагал, что крах коммунистического режима в СССР отнюдь не является крахом коммунизма вообще. Это лишь доказательство того, что в отдельной стране реализовать марксистский проект невозможно. В этом смысле провал ГКЧП и советской системы в целом открывает дорогу новому, всемирному революционно-демократическому движению, а сеть как раз и предоставляет для этого технические возможности.

Реакцию российских (еще совсем недавно бывших советскими) программистов и пользователей легко предугадать. Как справедливо пишет Конрадова, слова «марксизм», «общественная польза», «антирасизм», «борьба за мир» — да и добавим от себя — «революция» были для них навязшим в зубах советским официозом, против которого и велась борьба. В сетевом общении западной и (пост)советской технической интеллигенции

ИГОРЬ КОБЫЛИН
ЭЛИТАРНЫЙ ОСТРОВК
ДЕМОКРАТИИ, ИЛИ
ГУВЕРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ
НА ШКОЛЬНОМ УРОВНЕ...

Молодые предприниматели, обойдя все препоны, чинимые архаичными иерархиями, информировали свободный мир о пароксизме советской системы, уже самим фактом такого информирования свидетельствуя о поражении последней.

повторилась примерно та же ситуация, что и в личном общении интеллигенции гуманитарной на философском семинаре в Дубровнике осенью 1990 года. С советской стороны среди прочих там были Мераб Мамардашвили, Валерий Подорога, Михаил Рыклин, с западной — американские марксисты Сюзан Бак-Морс, Фредрик Джеймисон и другие, в основном левые, исследователи. По сути, это был первая полноценная полемика ведущих интеллектуалов Востока и Запада в том идеологическом значении, которое придавалось Востоку и Западу во времена «холодной войны». Главным результатом этого, по словам Рыклина, было полное непонимание:

«Первая на моей памяти встреча в Дубровнике этих двух частей интеллектуального мира стала для тех и других шоком. Когда присутствовавший там Мераб Мамардашвили сказал, что западные общества — это просто нормальные человеческие общества, его слова были восприняты как отрицание всего, что делали левые интеллектуалы. А когда они в свою очередь начинали говорить нам об утопическом потенциале советского эксперимента, мы твердили им о терроре и уничтожении десятков миллионов людей»²⁵.

25 Михаил Рыклин: страна превратилась в желудок // Взгляд.ру. 2007. 24 июля (<https://vz.ru/culture/2006/7/24/42737.html>).

Схожим образом Конрадова описывает и дискуссии программистов:

«Западные университетские ученые поднимали вопрос об актуальности марксизма после распада Советского Союза, на что советские пользователи описывали свой травматичный опыт жизни при тоталитарном государстве. Первые были склонны к левым политическим взглядам и утверждали, что советский опыт в действительности не был реализацией марксизма. Вторых можно рассматривать как правых либертарианцев, которые считали, что любая попытка государственного управления экономикой и прессой может привести только к очередному тоталитарному режиму»²⁶.

Это «фазовое» расхождение между восточно- и западноевропейскими/американскими интеллектуалами представляется чрезвычайно важным для понимания советской интеллектуальной истории вообще и истории системно-кибернетических наук (и их преподавания) в частности. Именно в этом контексте становится понятным отсутствие революционного энтузиазма у (пост)советских программистов. Сеть для них не средство (утопического) преобразования мира, а посредник перехода к нормальности²⁷, причем посредник *исчезающий* — не в физическом, а в социально-политическом смысле, — поскольку специфика нового медиума, в конечном счете, ничего не меняет (и не должна менять) в «естественном» рыночно-капиталистическом мире. Она лишь помогает приблизиться к нему тем, кто на время выпал в иррациональный, абсурдный мир воплощенной утопии: построить успешную

26 Конрадова Н. *Указ. соч.* С. 190. Любопытно, что критике подвергались не только левые западные интеллектуалы, но и само общественно-экономическое устройство США как недостаточно либертарианское. Так, работавший в «Демосе» Вадим Антонов писал: «Мой опыт подсказывает, что советские люди были лучше информированы о жизни в западных странах (по крайней мере все, у кого IQ выше, чем у капусты, точно знали, что социализм не лучшая социальная система в мире). Что вообще-то объясняет, почему система рухнула. У большинства американцев, которых я знаю, наоборот, довольно фантастические идеи о том, на что была похожа жизнь в СССР. И они часто бывают по-настоящему удивлены, когда я указываю на вопиющее сходство между функционированием КПСС и советской государственной экономики — и корпоративной политикой и деятельностью американского правительства. Что объясняет, почему они позволяют системе продолжать существовать» (Там же. С. 189). Правда, несмотря на критику, в декабре 1991 года Вадим Антонов переехал в Беркли.

27 Можно долго иронизировать по поводу перестроечного культа нормальности, но нельзя не признать, что у него были основания. В состоявшейся в Москве в 1998 году беседе с Сюзан Бак-Морс в ответ на ее замечание об отсутствии интеллектуальных инноваций в постсоветской России Михаил Рыклин заметил: «Здесь ты валоризуешь новое. Но в России в XX веке уже было много нового, невиданного. Взять хотя бы колоссальную кровавую баню, устроенную в 1930-е; в “мирное” время были истреблены многие миллионы людей. Возможно, здесь просто устали от нового и невиданного и стремятся к обычному и нормальному. Американцу подобные устремления могут показаться скучными... США никогда не переживали катаклизмов такого масштаба. Так что стремление россиян к нормальности также понятно. Они просто устали платить непомерную цену за сомнительное право называться авангардом человечества» (Рыклин М. *Деконструкция и деструкция. Беседы с философами.* М.: Логос, 2002. С. 187).

карьеру в западных учебных центрах и технологических компаниях или превратить небольшой кооператив и институтскую лабораторию в прибыльный бизнес на развивающемся интернет-рынке в России.

Но, как показывает мировая история (которая вопреки прогнозам и не думает заканчиваться, продолжая давать дополнительные уроки и задавая на дом задачки «со звездочкой»), даже минимум буржуазной нормальности не держится сам собой: он требует гражданского усилия для собственного поддержания, а значит, необходим выход за границы эгоистического партикулярного интереса — за границы элитной школы, привычного круга, семьи, профессии, частного предприятия. И это вопрос не только (и не столько) этики в духе моральных сентенций, сколько политики, понимаемой не в узкоспециальном смысле управления, которым занимаются специализированные группы людей (политические элиты), а скорее в смысле социально-антропологическом — как исторически всякий раз заново изобретаемые людьми способы жить вместе. Элитарно пестуемая универсальность неизбежно приходит в противоречие с собственной замкнутой формой и требует адекватного содержанию универсально-демократичного выражения. И до тех пор, пока мы не найдем решения этого диалектического напряжения, об успешном окончании школы можно даже не думать.

В «Школе Векслера» хорошо заметно, как от десятилетия к десятилетию нарастает «гностическое» неприятие окружающего советского мира. Или: как по-разному расставляют акценты в своих воспоминаниях об этом мире мемуаристы разных поколений. От радостных рассказов о туристических походах, литературных посиделках и КВН в оттепельные 1960-е к описаниям рискованных (хотя и довольно невинных) перформансов

ИГОРЬ КОБЫЛИН
ЭЛИТАРНЫЙ ОСТРОВК
ДЕМОКРАТИИ, ИЛИ
ГУВЕРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ
НА ШКОЛЬНОМ УРОВНЕ...

**Как показывает мировая история, даже
минимум буржуазной нормальности
не держится сам собой: он требует гражданского
усилия, а значит, необходим выход за границы
эгоистического партикулярного интереса.**

взращенного в поздние 1970-е обобщенного «интуитивного антисоветчика» (с. 250), который то разрисует в духе соц-арта учебник новейшей истории; то со значением прочитает в лицо директора строки из пушкинской «Вольности»: «Питомцы ветреной Судьбы, / Тираны мира! трепещите! / А вы, мужайтесь и внемлите, / Восстаньте, падшие рабы!»; то, наслушавшись

«вражеских голосов», вступит в долгие препирательства с учителем истории.

Такое неприятие вполне закономерно, тем более — если уж продолжать пользоваться метафорикой гностицизма — для тех, кто чувствует себя избранным «пневматиком» среди многочисленных неизбранных «гиликов». И путь спасения — «вытащить из болота тогдашнего школьного образования людей, которые хотели большего и могли больше» (с. 205) — тоже вполне понятен. И никто не мог тогда предположить (да и сегодня многим в это верится с трудом), что брезгливое отторжение «совкового» официоза с его декларируемыми «коллективизмом» и «равенством» обернется аккумуляцией и последующим освобождением эгоистического интереса такой разрушительной силы, что окажутся подорваны сами основания любого «общего дела», любой солидарной коллективной практики. И книги Маркса из забытого всеми в школьной ленинской комнате идеологического «хлама» вновь превратятся в остроумное и точное описание окружающей социальной действительности.